

НА ПРИЗЫВЪ СЕРДЦА.

(Быль изъ временъ Японской войны).

(Окончаніе ¹).

Нефедько несказанно удивился, когда, открывъ глаза, увидѣлъ передъ собой «сестрицу», которая, придя въ сарайчикъ, гдѣ, зарывшись съ головою въ стогъ сѣна, онъ такъ сладко спалъ, разбудила его и приказала немедленно запрягать.

Онъ хотѣлъ что-то спросить, но, по врожденной апатіи и привычкѣ къ непрекословному повиновенію, промолчалъ. Кряхтя и поеживаясь въ холодномъ предрасвѣтномъ туманѣ, Нефедько съ неудовольствіемъ принялся запрягать забайкальца, которому очевидно столь ранній выѣздъ въ дорогу былъ также не по сердцу; онъ сердито моталъ головою, прижималъ уши и ловилъ зубами Нефедько за рукава истасканной шинели.

Когда лошадь была, наконецъ, запряжена, Татьяна Михайловна торопливо сѣла въ «санитарку» и приказала Нефедько, прямо изъ воротъ, повернуть влѣво, выѣхать изъ селенія и, обогнувъ его цѣлиной по полямъ, снова выѣхать на дорогу.

¹) См. №№ 5, 6 и 7 «Воен. Сборн.». 1912 г.

Нефедько немного удивлялъ и этотъ ранній выѣздъ и непонятный для него объездъ селенія, но спрашивать онъ не рѣшался, подумавъ, что если «сестрица» такъ велѣла, то почему нибудь это такъ и надо.

За селеніемъ Татьяна Михайловна приказала прибавить рыси. Отдохнувшій за ночь, до сыта накормленный «забайкалецъ» влѣгъ въ хомутъ и «санитарка», гремя колесами, быстро покатила по крѣпко укатанной дорогѣ. Скоро доѣхали до сопки, на вершинѣ которой, надъ самымъ обрывомъ, словно въ зачарованномъ снѣ, покоилась старинная кумирня, съ остроконечной крышей, драконами и львами на фронтонѣ, съ оригинальнымъ навѣсомъ надъ причудливой формы колоколами.

Отсюда дорога раздѣлялась: одна шла прямая, но мало наѣзженная, круто влѣво въ долину, другая, обогнувъ сопку, отклонялась вправо.

Татьяна Михайловна приказала Нефедько сворачивать влѣво.

— Быдто не туда, сестрица, слѣдовать держать, рѣшился онъ, наконецъ, выразить свое сомнѣніе. Я хопа тутъ и не бывалъ, а по мѣстности видно, ежели влѣво брать, мы въ японскую сторону угодимъ... Наша сторона намъ съ правой руки будетъ.

— Не разсуждай. Поѣзжай куда велѣть, окрикнула Нефедько Татьяна Михайловна, сердито насупивъ брови.

Солдатъ замолчалъ и, съ видимой неохотой, повернулъ лошадь влѣво. Чтобы выместить хоть на комъ нибудь свою досаду, онъ больно ударилъ забайкальца по спинѣ концами ременныхъ вожжей.

Татьяна Михайловна вынула часы и стала по нимъ отсчитывать время. Проѣхавъ крупной рысью минутъ двадцать, она приказала Нефедько остановиться и торопливо выскочила изъ повозки. Съ этого мѣста дорога поднималась вверхъ, къ небольшому перевалу, за которымъ виднѣлись вершины холмовъ и низкихъ сопокъ. Между ними, по словамъ Пронина, долженъ былъ находиться японскій лагерь.

— Слушай, Нефедько, поѣзжай скорѣй назадъ и отдай эту записку доктору. Да смотри не потеряй.

Она передала ему небольшой конвертикъ.

— А, вы, сестрица, изумился Нефедько, нѣшто остаетесь?

— Нѣтъ, иду туда, указала Измайская рукой на переваль. А ты возвращайся скорѣе назадъ.

— Барыня, да какъ же я васъ одну оставлю? взмолился Нефедько. Что ихъ высокоблагородіе скажутъ? Да меня за это со свѣта согнать!

— Ничего не скажутъ. Я написала ему все въ письмѣ, ты только передай письмо и ничего не бойся... Ну, поворачивай живѣе, да и поѣзжай.

— Воля ваша, сестрица, а только это не модель... Какъ вы пойдете однѣ, да и куда?... Вѣдь эта дорога, пожалуй, что и не въ нашу сторону; я какъ присматриваюсь, она къ японцу ведетъ. Вернитесь, сестрица, отъ грѣха.

Татьяна Михайловна молча пошла по перевалу. Нефедько, чуть не плача, тащился за нею. Онъ начиналъ смутно догадываться о чемъ-то и догадка эта его еще больше испугала.

— Сестрица, а сестрица, что же это вы такое задумали? Не гожее чтой-то, вернитесь, право, вернитесь... Пропала моя головушка! Ахъ грѣхъ какой, вернитесь Христа ради!

Татьяна Михайловна остановилась.

Лицо ея вспыхнуло отъ досады.

— Сію же минуту поворачивай назадъ! Слышишь, сію минуту, и поѣзжай къ доктору, понялъ?... Я ухожу къ японцамъ, почему, какъ, это не твое дѣло, ухожу и все тутъ, а ты возвращайся, пока тебя не захватили японцы.

Не успѣла Татьяна Михайловна докончить своей фразы, какъ на гребнѣ перевала мелькнула юркая фигурка въ темной шинели и фуражкѣ съ желтымъ околышемъ, сзади показалась другая, третья.

— Батюшки-свѣтъ, японцы! не своимъ голосомъ закричалъ Нефедько, круто повернулъ забайкальца и принялся изо всѣхъ силъ нахлестывать его концами ременныхъ вожжей. Лошаденка рванулась и помчалась со всѣхъ ногъ, быстро увозя ошеломленного отъ неожиданности Нефедько.

Въ ту же минуту съ гребня перевала защелкали выстрѣлы. Татьяна Михайловна услышала надъ самой своей головой жалобный стонъ пули и съ безпокойствомъ оглянулась.

Нефедько продолжалъ скакать. Издали было видно, какъ нещадно нахлестываетъ онъ вожжами несущагося вскачь забайкальца.

Еще прогремѣло два-три выстрѣла, но «санитарка» была уже далеко; еще минута и она исчезла за подошвой ближайшей сопки. Татьяна Михайловна облегченно вздохнула и медленно пошла къ перевалу.

Съ перевала ей навстрѣчу бѣжало нѣсколько человекъ японскихъ солдатъ; они быстро окружили ее и по ихъ удивленнымъ лицамъ и любопытнымъ взглядамъ Измайская могла судить насколь-

ко ея неожиданное появленіе изумило ихъ. Они наперерывъ что-то кричали ей, о чемъ-то спрашивали, но, не понимая ни слова, Татьяна Михайловна только ласково улыбалась и покачивала головой. Она была совершенно спокойна; ни тѣни страха не прекрадывалось ей въ душу и когда японцы знаками и мимикой показали ей, чтобы она слѣдовала за ними, она охотно повиновалась.

Когда они достигли перевала, ихъ встрѣтила другая команда солдатъ, очевидно спѣшившая изъ лагеря на выстрѣлы. Впереди шелъ небольшого роста коренастый молодой офицеръ. При видѣ Татьяны Михайловны, окруженной солдатами, лицо офицера въ первое мгновеніе выразило дикое недоумѣніе, но онъ быстро и умѣло замаскировалъ его выраженіемъ галантной любезности, съ которымъ онъ, притронувшись пальцами до козырька фуражки, обратился къ Татьянѣ Михайловнѣ на весьма плохомъ французскомъ языкѣ, съ вопросомъ: кто она, откуда и какъ сюда попала?

— Я сестра милосердія, поспѣшила объяснить ему Татьяна Михайловна; моя фамилія Измайская. Нѣсколько дней тому назадъ, недалеко отсюда, въ ночной вылазкѣ, мой мужъ взятъ въ плѣнъ вашими войсками. Я рѣшила раздѣлить его судьбу; надѣюсь мнѣ въ этомъ не откажутъ.

Японецъ сдѣлалъ неуловимый жестъ головой.

— Не знаю, случай небывалый; мы съ женщинами, а тѣмъ болѣе съ сестрами милосердія, не воюемъ, улыбнулся онъ. Во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ только нашимъ генераломъ, а пока прошу слѣдовать за мною.

Идя рядомъ съ Татьяной Михайловной, японскій офицеръ искоса съ любопытствомъ оглядывалъ ее съ ногъ до головы. Какъ женщина, она казалась выше его ростомъ и выше многихъ солдатъ. Стройность, изящныя манеры, красота лица молодой женщины понравились японцу. Ему хотѣлось сказать ей какую-нибудь любезность. Нѣсколько минутъ онъ придумывалъ подходящую фразу, что для него было тѣмъ труднѣе, что онъ довольно плохо владѣлъ французскимъ языкомъ и долженъ былъ раньше, чѣмъ сказать, обдумать и подобрать каждое слово. «Какъ долженъ быть счастливъ вашъ мужъ, имѣя такую преданную, любящую жену, а при томъ еще и такую красавицу», выдавилъ онъ наконецъ изъ себя и торжествующе посмотрѣлъ на Измайскую.

Татьяна Михайловна, съ легкимъ удивленіемъ отъ неожиданнаго комплимента, повернула голову и смѣрила японца взглядомъ съ ногъ до головы. На ея красиво очерченныхъ губахъ мелькнула

едва замѣтная ироническая улыбка; «дрессированная макака, умѣющая говорить комплименты», подумала она про себя, а въ слухъ произнесла: «мой мужъ былъ бы еще счастливѣе, если бы въ настоящую минуту не томился въ плѣну».

— Что дѣлать, превратности войны.

Опять замолчали. Наблюдая своего спутника, Татьяна Михайловна видѣла, какъ онъ мучительно складывалъ въ умѣ каждую фразу, которую хотѣлъ сказать; хмурилъ брови, двигалъ кожей черепа и шевелилъ губами. При всей тяжести своего душевнаго настроенія Татьянѣ Михайловнѣ казались всѣ эти гримасы забавными.

«Настоящая обезьяно-человѣкъ», думала она, выжидая чѣмъ наконецъ разрѣшатся лингвистическія потуги японца.

— Какъ васъ зовутъ? произнесъ тотъ наконецъ и совершенно неожиданно добавилъ: меня зовутъ Матсумото... я самурай..., окончилъ онъ съ гордостью.

— Татьяна Михайловна Измайская, удовлетворила Татьяна Михайловна любознательность офицера.

— Та... та... та... Ма... ха..., попробовалъ было повторить японецъ, но запнулся и недоумѣвающе повелъ глазами; нѣтъ, для меня слишкомъ трудно. Отчего у васъ, у русскихъ, у всѣхъ такія трудныя имена? Миѣ думается, что вы самп, русскіе, не запоминаете легко имена другъ друга. Неужели нельзя короче и проще?... Вашъ мужъ, развѣ онъ такъ же васъ зоветъ?

— Мужъ зоветъ меня Таня, улыбнулась Измайская.

— Тан-і-я, обрадовался японецъ. Вотъ видите, я былъ правъ. Танія, это звучитъ красиво, по-японски Танія-санъ. Я буду васъ звать Танія-санъ. Позволяете?

«А вѣдь онъ очень забавенъ, эта говорящая обезьянка», думала Татьяна Михайловна, украдкой разглядывая своего спутника: «въ немъ на мой взглядъ нѣтъ ничего воинственнаго, а между тѣмъ, вотъ уже второй годъ наша армія отступаетъ и Ника въ плѣну и много другихъ офицеровъ нашихъ въ плѣну, а мы этихъ обезьянокъ не взяли въ плѣнъ и десятка. Почему бы это такъ?...» Она глубоко вздохнула.

— О чемъ вы вздыхаете? участливо спросилъ японецъ.

— Я подумала о своемъ мужѣ... Скажите, пожалуйста, вѣдь это не секретъ, не слыхали ли вы какихъ нибудь подробностей о плѣненіи нѣсколько дней тому назадъ молодого русскаго офицера на передовыхъ позиціяхъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ... Подъ Мукденомъ мы взяли очень много вашихъ офицеровъ, можетъ быть сотню, можетъ быть больше... Въ началѣ войны насъ это интересовало; теперь мы стали къ этому равнодушны: однимъ плѣннымъ больше или меньше не увеличить и не уменьшить славы нашихъ побѣдъ.

— Ваша хвастливость была бы оскорбительна, если бы не была такъ дѣтски наивна, вспыхнула Татьяна Михайловна.

— Я не хвастаюсь, спокойно отвѣтилъ Матсумото. Мы, японцы, презираемъ хвастуновъ и хвастливость не наша національная черта; я сказалъ только правду и вы сами хорошо знаете, что это не хвастовство... Впрочемъ, я все-таки виноватъ передъ вами; моя фраза должна была показаться вамъ обидною, прошу извиненія. Мы, японцы, плохіе дамскіе кавалеры: у насъ женщина не играетъ той роли, какую она присвоила себѣ въ Европѣ; у насъ нѣтъ свѣтской болтовни, а потому нѣтъ и притворной вѣжливости европейцевъ, заставляющей ихъ въ разговорѣ съ дамами говорить не то, что они думаютъ, а то, что дамамъ пріятно слушать. Особенно это развито у французовъ.

— А вы были во Франціи?

— Былъ, но не долго. По полученіи офицерскаго чина, я поѣхалъ во Францію изучить языкъ и познакомиться съ порядками французской арміи, но, проживъ тамъ годъ, я былъ вызванъ на родину, по случаю мобилизаціи.

«Положительно онъ уменъ и даже занимателенъ», подумала Татьяна Михайловна. Ей нравилась прямота и добродушіе Матсумото. Теперь, когда мужъ ея очутился во власти этихъ людей, она съ болѣзненной чуткостью вглядывалась въ японца, вслушивалась въ его слова и по нимъ старалась угадать характеръ націи, но долго поддерживать разговоръ она была не въ силахъ: угнетавшая ее тревога за мужа парализовала ея языкъ, дѣлала ее задумчивой и разсѣянной.

Матсумото, какъ бы угадывая ея душевное настроеніе, вѣжливо замолчалъ и конецъ пути, до большого селенія, около котораго былъ разбитъ японскій лагерь, они прошли въ глубокомъ молчаніи.

У самаго края селенія стояла фанза съ часовымъ у входа.

— Подождите меня одну минутку, сказалъ Матсумото и, оставивъ Татьяну Михайловну подъ наблюденіемъ солдатъ, исчезъ за дверью фанзы. Скоро онъ вышелъ озабоченный и чѣмъ-то какъ будто разстроенный.

— Идемте, коротко бросилъ онъ Татьянѣ Михайловнѣ, дѣлая въ то же время знакъ рукой солдатамъ остаться за дверями фанзы.

Съ смутной тревогой переступила Татьяна Михайловна порогъ фанзы и быстрымъ, тревожнымъ взглядомъ окинула всю ея внутренность. Прямо передъ собою, въ глубинѣ комнаты, она увидѣла большой столъ, заваленный планами, а подлѣ него группу японскихъ офицеровъ изъ трехъ человекъ. Одинъ—въ большомъ чинѣ, очевидно, начальникъ—на первый взглядъ сильно походилъ на старую толстую бабу своимъ круглымъ лицомъ, изрытымъ морщинами, отвислыми щеками, мягкими пухлыми губами и отсутствіемъ всякой растительности на подбородкѣ и на губахъ. Татьянѣ Михайловнѣ онъ, въ первую минуту, показался добродушнымъ; но, взглянувъ въ узенькіе глазки, холодно поблескивавшіе изъ подъ опухшихъ вѣкъ, она почувствовала невольный страхъ къ этому, съ виду такому ничѣмъ незамѣтному, человеку. Другіе два офицера были значительно моложе. Они сидѣли справа и слѣва отъ старика и внимательно разсматривали разложенные передъ ними планы.

При входѣ Измайской, всѣ трое подняли головы и съ затаеннымъ любопытствомъ пристально взглянули въ лицо молодой женщины.

Съ минуту длилось тягостное молчаніе.

Японцы внимательно разглядывали Татьяну Михайловну и въ этихъ пристально устремленныхъ на нее испытующихъ взглядахъ Измайской почудилось затаенное враждебное недовѣріе. Она ждала вопросовъ и заранѣе волновалась, сердилась на себя за свое волненіе и не могла его побороть.

Старикъ, въ которомъ Измайская, не зная формы, тѣмъ не менѣе правильно угадала полковника, слегка наклонилъ голову къ одному изъ офицеровъ и что-то шепнулъ ему. Тотъ всталъ и довольно сносно русскимъ языкомъ спросилъ, обращаясь, къ Татьянѣ Михайловнѣ.

— Полковникъ спрашиваетъ, зачѣмъ вы пришли съ русской стороны на нашу? Какая у васъ на это была цѣль и причина?

— Раньше, чѣмъ отвѣтить на вашъ вопросъ, разрѣшите мнѣ сѣсть; я прошла большой путь и порядкомъ устала, съ достоинствомъ сказала Татьяна Михайловна, смѣло глядя въ глаза офицеру. Тотъ едва замѣтно улыбнулся и перевелъ ея слова полковнику. Старикъ, привыкшій на своей родинѣ видѣть какъ передъ собой, такъ и передъ прочими мужчинами, женщинъ не иначе, какъ колѣно-преклоненными, сурово насупился, но, подумавъ минутку,

что-то отрывисто приказалъ стоявшему у дверей въ почтительной позѣ солдату. Тотъ опрометью бросился изъ фанзы и черезъ 2—3 минуты принесъ большое, деревянное, неуклюжее кресло, которое и поставилъ противъ стола.

Привычнымъ граціознымъ кивкомъ головы Татьяна Михайловна поблагодарила солдата за услугу и, усѣвшись въ кресло, въ короткихъ словахъ рассказала, кто она такая и зачѣмъ рѣшилась перейти къ японцамъ.—Теперь, закончила она, когда вы знаете мою печальную исторію, я надѣюсь, вы будете такъ добры, разрѣшите мнѣ свиданіе съ мужемъ и позвольте слѣдовать за нимъ въ Японію.

Офицеръ, съ той же едва уловимой загадочной улыбкой, перевелъ слова Татьяны Михайловны полковнику. Пренебрежительная усмѣшка искривила пухлыя губы старика и онъ рѣзкимъ тономъ началъ говорить короткими, отрывистыми фразами. Онъ видимо сердился, гнѣвно поблескивалъ глазами, нетерпѣливо постукивая костяшками пальцевъ по столу.

— Полковникъ велѣлъ сообщить вамъ, переводилъ молодой офицеръ, что вы поступили крайне опрометчиво, явившись сюда. Мужа вашего здѣсь нѣтъ и мы о немъ ничего не знаемъ; по всей вѣроятности, если онъ, какъ вы говорите, живъ и здоровъ, то давно отправленъ въ Японію.

— Это неправда, неправда! горячо воскликнула Измайская. Я сердцемъ чувствую, мой мужъ еще здѣсь, можетъ быть въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда! Умоляю васъ, будьте человѣчны, жальтесь надъ моимъ горемъ, позвольте мнѣ свиданье съ нимъ... Вѣдь это же не угрожаетъ никому никакой опасностью... Умоляю васъ.

Въ порывѣ отчаянія Татьяна Михайловна молитвенно сжала руки и вытянула ихъ какъ бы съ мольбой, готовая, если-бы понадобилось, упасть на колѣни и на колѣняхъ вымолить нужное ей разрѣшеніе.

Лица японцевъ оставались непроницаемо холодны.

Полковникъ, сердясь и гримасничая, снова быстро и рѣзко заговорилъ.

— Ваша просьба невыполнима, переводилъ офицеръ коротко бросаемаыя ему фразы полковника; мы не можемъ допустить васъ къ мужу ни здѣсь, ни тѣмъ болѣе въ Японіи. Ваша просьба разрѣшить вамъ ѣхать въ Японію прямо по-дѣтски наивна и невыполнима. Вы женщина, сестра милосердія; какъ нація, примкнувшая къ Женевской конвенціи, мы не хотимъ держать васъ въ качествѣ

военно-плѣнной, но и дозволить вамъ свободно проживать въ Японіи въ то время, когда между нами и Россіей идетъ война, посѣщать плѣнныхъ русскихъ офицеровъ, мы допустить никакъ не можемъ.

— Въ такомъ случаѣ, отпустите моего мужа на честное слово. Въдь ваша армія, надѣюсь, признаетъ общеевропейскій обычай отпускать плѣнныхъ офицеровъ на честное слово не сражаться?...

— Разрѣшеніе отпустить плѣннаго непріятельскаго офицера на честное слово зависитъ отъ главнокомандующаго. Во всякомъ случаѣ нашъ полковникъ категорически отказывается возбуждать подобное ходатайство, хотя бы уже потому, что онъ плохо вѣритъ въ правдивость всѣхъ вашихъ объясненій, находя ихъ черезъ-чуръ фантастическими и мало правдоподобными.

— Но тогда какая же, по вашему мнѣнію, была у меня цѣль явиться сюда? горячо воскликнула Татьяна Михайловна. Надѣюсь, вы не принимаете меня за шпионку?

Сказавъ это, Татьяна Михайловна тотчасъ же инстинктивно поняла насколько ей не слѣдовало произносить этой фразы, смутилась, попыталась скрыть свое смущеніе, не сумѣла, окончательно растерялась и замолчала, подавленная сознаниемъ сдѣланнаго ею непоправимаго промаха.

Офицеръ съ минуту пристально и холодно смотрѣлъ ей въ лицо и подъ этимъ враждебнымъ взглядомъ Татьяна Михайловна чувствовала, какъ ея сердце охватываетъ щемящая тоска и слѣпой страхъ передъ еще несознаваемой ею самою бѣдой.

Офицеръ наклонился къ полковнику и долго о чемъ то говорилъ ему. Тотъ слушалъ внимательно, изрѣдка, въ знакъ своего полного согласія, испуская сквозь стиснутые зубы особое характерное шипѣніе. Когда офицеръ, допрашивавшій Татьяну Михайловну, кончилъ, заговорилъ другой офицеръ, до сихъ поръ не проронившій ни слова. Татьяна Михайловна, не понимавшая ни слова по-японски, инстинктивно почувствовала, по интонаціи голоса, что онъ на ея сторонѣ. Это ее немного ободрило. Но вотъ заговорилъ старикъ полковникъ. Голосъ его былъ рѣзокъ, фразы отрывисты, а злое выраженіе лица не оставляло сомнѣній во враждебности его чувствъ. Онъ говорилъ довольно долго и когда замолчалъ, оба офицера почтительно склонили головы, очевидно вполне соглашаясь съ его рѣшеніемъ. Татьяна Михайловна съ тревогой перевела глаза съ полковника на стоявшаго подлѣ нея въ почтительной позѣ Матсумото. Тотъ, въ свою очередь, искоса глянулъ на нее и

въ его карихъ живыхъ глазахъ Татьяна Михайловна ясно прочла выраженіе сочувствія и сожалѣнія; но, проникнутый долгомъ строгой дисциплины, онъ продолжалъ хранить упорное молчаніе.

— Полковникъ, заговорилъ опять офицеръ-переводчикъ, обращаясь къ Татьянѣ Михайловнѣ, приказалъ сообщить вамъ его рѣшеніе: эту ночь вы проведете подъ карауломъ, а завтра утромъ будете отправлены обратно къ русскимъ аванпостамъ. Надѣюсь, вы оцѣните достойно великодушіе полковника Курито и его мудрость. Васъ спасаетъ отъ смерти только то обстоятельство, что вы—женщина. Будь вы мужчина, всего черезъ какихъ нибудь два часа времени вы были бы разстрѣляны. Сказавъ это, офицеръ по-японски обратился къ Матсумото и бросилъ ему рѣзкое приказаніе.

— Слѣдуйте за мною! сказалъ Матсумото, отворяя дверь и рукой указывая Татьянѣ Михайловнѣ выходъ.

Измайская хотѣла снова заговорить, просить, умолять, доказывать, что она и въ мысляхъ не имѣла быть шпионкой, но, взглянувъ въ хмурое деревянное лицо полковника Курито, поняла, что никакія просьбы, мольбы и слезы не въ состояніи тронуть этого человѣка и что никакимъ клятвамъ и увѣреніямъ онъ все равно не повѣритъ. Она опустила голову и охваченная отчаяніемъ покорно вышла. Когда дверь за ними затворилась, Матсумото боязливымъ шопотомъ торопливо, на ходу, бросилъ ей фразу, которую она, занятая своими мыслями, не вполне ясно восприняла.— Берегитесь, они увѣрены, что вы шпионка и они затѣяли противъ васъ злое дѣло. Этотъ капитанъ Ассادا, который говорилъ съ вами, жестокій человѣкъ и слѣпо ненавидитъ русскихъ.

Татьяна Михайловна промолчала.

«Что они могутъ мнѣ сдѣлать?» подумала она. «Хуже того, что сдѣлали, не допустивъ къ Никѣ, ничего не можетъ быть».

Въ то время, какъ Матсумото, подозвавъ двухъ солдатъ, вель Татьяну Михайловну по улицѣ, изъ за угла одной фанзы неожиданно вышелъ высокій сухощавый человѣкъ, среднихъ лѣтъ, гладко выбритый, въ сѣрой курткѣ, на рукавѣ которой красовался значекъ военнаго корреспондента, въ пробковомъ шлемѣ и желтыхъ кожаныхъ гетрахъ. Увидя странное шествіе, онъ невольно остановился и съ любопытствомъ воззрися въ лицо Татьяны Михайловны.

Внезапная мысль осѣнила молодую женщину. Она быстро шагнула къ незнакомцу.

— Вы англичанинъ? спросила она торопливо.

— Англичанинъ, отвѣтилъ тотъ еще съ большимъ изумленіемъ. А вы развѣ тоже англичанка?

— Нѣтъ, я—русская, но въ моихъ жилахъ течетъ англійская кровь, къ тому же я долго жила въ Англїи.

— Это видно; вы говорите по-англійски, какъ истая англичанка. Но какъ вы очутились здѣсь, въ столь неподобающемъ вамъ обществѣ нашихъ дорогихъ союзниковъ?

Татьяна Михайловна въ короткихъ словахъ рассказала ему всѣ свои приключенія.

— Они не допускаютъ меня къ мужу, закончила она свой рассказъ, заподозривъ во мнѣ шпионку и завтра хотятъ выслать отсюда; не можете ли вы оказать мнѣ какое нибудь содѣйствіе? Я слышала, англичане имѣютъ въ Японїи огромное значеніе. Помогите мнѣ ради Бога! Умоляю васъ.

Англичанинъ въ раздумьѣ закусилъ нижнюю губу.

— Здѣсь я безсиленъ вамъ чѣмъ нибудь помочь. Полковникъ Курито меня слушать не станетъ, но я готовъ сейчасъ же ѣхать къ командующему арміей маршалу Куроки и просить его за васъ.

— О какъ я вамъ буду благодарна за ваше великодушїе! горячо воскликнула Татьяна Михайловна.

— Ну, тутъ еще великодушїе не высокаго сорта, усмѣхнулся англичанинъ. Я въ васъ вижу до нѣкоторой степени свою соотечественницу, а мы, англичане, ставимъ своей обязанностью всячески защищать своихъ, особенно въ далекихъ, малокультурныхъ странахъ. Итакъ рѣшено, я ѣду къ маршалу, а пока пошлю телеграмму съ просьбой задержать васъ здѣсь до рѣшенія маршала.

Сказавъ это, англичанинъ крѣпко пожалъ ей руку и торопливо ушелъ, а Татьяна Михайловна, въ сопровожденїи Матсумото, двинулась дальше, обрадованная и нѣсколько успокоенная этой неожиданной встрѣчей.

Матсумото привелъ ее къ небольшой фанзѣ, стоявшей почти на краю селенія. Фанза была пустая, безъ всякаго убранства; только на канахъ лежали тощїе и мало опрятные тюфячки.

— Не хотите ли поѣсть? Вы навѣрно голодны? участливо спросилъ Матсумото.

— Нѣтъ, ѣсть мнѣ не хочется. Если можно, пришлите чаю. У меня совершенно пересохло во рту.

— Сїю минуту вамъ подадутъ, а пока до свиданія; я долженъ васъ запереть... На прощанье, еще разъ предупреждаю, будьте на сторожѣ; противъ васъ злоумышляютъ. Вмѣшательство англича-

нина вамъ только повредить, если онъ не сумѣетъ заставить полковника Курито себя послушать.

— Но если это такъ, чѣмъ я могу предотвратить грозящую мнѣ опасность, одна, безъ друзей и даже безъ оружія?

Японецъ съ минуту подумалъ. Потомъ, послѣ нѣкоторого колебанія, вынулъ изъ кобуры револьверъ и протянулъ его Татьянѣ Михайловнѣ.

— Возьмите. Онъ можетъ вамъ пригодиться.

Татьяна Михайловна покачала головой.

— Нѣтъ, спрячьте, я не возьму вашего револьвера. Къ чему онъ мнѣ? Что бы со мною ни случилось, я все равно никого убивать не стану.

— Напрасно! возразилъ съ глубокимъ убѣжденіемъ Матсумото; врага надо убивать.

Убѣдясь, однако, въ нежеланіи Татьяны Михайловны воспользоваться его револьверомъ, онъ, съ недовольной миной, сунулъ его обратно въ кобуру.

Оставшись одна, Татьяна Михайловна глубоко задумалась. Когда она рѣшила уйти къ японцамъ, ей казалось выполненіе ея плана такимъ легкимъ; она не сомнѣвалась въ томъ, что японцы, высоко ставящіе преданность женъ своимъ мужьямъ, оцѣнятъ самоотверженность ея поступка и разрѣшатъ ей свиданіе съ Никой. Въ ея планы, которые она строила со вчерашняго дня, совершенно не входила возможность быть заподозрѣнной въ шпіонствѣ. Она упустила изъ виду подозрительность японцевъ. Будучи сами взятыми шпіонами по отношенію къ русскимъ, японцы, очевидно, постоянно ждали и отъ русскихъ расплаты той же монетой. Съ самаго начала войны призракъ русскаго шпіона не давалъ имъ покоя и дѣлалъ ихъ крайне недовѣрчивыми.

Думая о мужѣ, Татьяна Михайловна представляла себѣ какъ бы удивился и забеспокоился Ника, если бы узналъ о ея пребываніи въ японскомъ лагерѣ. Не сдѣлала ли она дѣйствительно крупной ошибки, рѣшившись уйти къ японцамъ? Не лучше ли было бы, если бы она послушалась доктора, поѣхала немедленно въ Петербургъ и тамъ принялась хлопотать черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ объ освобожденіи Ники на честное слово или, въ крайнемъ случаѣ, о разрѣшеніи ей самой пріѣхать въ Японію на свиданіе съ мужемъ? И гдѣ теперь Ника? Татьяна Михайловна представляла его себѣ ѣдущимъ въ вагонѣ японскаго поѣзда, угнетеннымъ, тоскующимъ, окруженнымъ злорадствующими врагами. Сердце ея болѣзненно ныло.

Всѣ планы ея рушились. Мелькала смутная надежда на англичанина, но послѣ словъ Матсумото и эта надежда почти рухнула.

Солдатъ, худощавый, малорослый, похожій на ребенка, съ болѣзненно-измученнымъ лицомъ отъ непосильно тяжелой походно-боевой жизни, принесъ ей страннаго вида мѣдную посудину съ горячимъ чаемъ, чашку, бумажный свертокъ желтовато-сѣраго, приторнаго на вкусъ, китайскаго сахарнаго песку и коробку китайскихъ печеній на бобовомъ маслѣ. Молча разставивъ все это передъ Татьяной Михайловной, онъ безшумно вышелъ. Измайская слышала, какъ загромыхалъ тяжелый деревянный засовъ и все стихло.

Машинально, продолжая думать свои невеселыя думы, Татьяна Михайловна принялась за чай. Жажда ея мучила и она съ наслажденіемъ втягивала въ себя горячую душистую жидкость. Это было первое пріятное ощущеніе, испытанное ею со вчерашняго дня.

Наступила ночь. Измученная волненіями дня, бессонной ночью, ходьбою, Татьяна Михайловна легла на канъ, подложивъ подъ голову одинъ изъ тюфячковъ, и продолжала думать, инстинктивно вслушиваясь въ тишину ночи. Время отъ времени откуда-то издалека долетали до нея неясныя звуки: стукъ колесъ, топотъ лошадей, отдѣльные, едва уловимые слухомъ, человѣческіе возгласы. Вдругъ ей почудилось, будто кто-то осторожно и тихо подкрался къ двери и притаился за нею. Татьяна Михайловна вздрогнула и напрягла слухъ, но ничего не могла уловить; повидимому царила та же ненарушимая ничѣмъ тишина, но теперь въ этой тишинѣ Татьянѣ Михайловнѣ чувствовалось что то предательское, словно кто-то гдѣ-то близко, близко, караулилъ ее, чего то выжидалъ... Похолодѣвъ отъ ужаса, Татьяна Михайловна поднялась съ кана и остановилась, устремивъ глаза на дверь. Ей почему то казалось, что вотъ-вотъ дверь разомъ распахнется и оттуда на нее бросится какое то чудовище; но дверь не отворялась, по прежнему было все тихо, такъ тихо, что Татьянѣ Михайловнѣ казалось, будто она слышитъ громкій стукъ своего собственнаго сердца... Прошло порядочно времени. Татьяна Михайловна начала понемногу успокаиваться. Очевидно ей пригрезилось; за дверью никого не было. Она снова легла и вдругъ какъ то сразу, неожиданно, крѣпко заснула. Долго ли спала она такъ, она не знала, но проснулась также неожиданно, какъ и заснула, разомъ очнувшись отъ тяжелаго сна, точно кто толкнулъ ее. Она открыла глаза. Въ фанзѣ царила кро-

мѣшная тѣма и въ этой темнотѣ она ясно услышала чье-то сдерживаемое дыханіе и мягкіе кошачьи шаги, медленно подступавшіе къ ней... Она безумно вскрикнула, вскочила и протянула впередъ руки. Въ темнотѣ ея руки встрѣтились съ другими человѣческими руками... Крѣпкіе пальцы впились въ кисти ея рукъ, быстрымъ движеніемъ отвели назадъ и связали тонкой, до боли рѣжущей тѣло, бичевкой. Почти одновременно она ощутила во рту втиснутый грубо платокъ, крѣпкіе руки обхватили ее и грубо бросили на канъ. Все это произошло такъ быстро и неожиданно, что Татьяна Михайловна не успѣла опомниться и лежала кѣмъ-то удерживаемая, вся трепещущая отъ безумнаго ужаса...

Легкій свистъ... Дверь отворилась. Вошло нѣсколько человѣкъ. Подошли, подняли ее, завернули во что-то крѣпкое, холодное, дурно пахнущее, очевидно въ полотнище палатки и бережно понесли. Черезъ минуту Татьяна Михайловна почувствовала себя уложенной въ тѣсную повозку, которая тотчасъ же и тронулась впередъ довольно скорой рысью. Сквозь закутывавшую ея голову матерію Татьяна Михайловна ясно различила топотъ трехъ лошадей, одной, везущей повозку, впереди и двухъ по бокамъ; на послѣднихъ, очевидно, сидѣли конвоировавшіе ее кавалеристы.

Долго ли продолжалось ея путешествіе, въ томъ положеніи, въ какомъ она находилась, Татьяна Михайловна опредѣлить не могла. Когда, наконецъ, повозка остановилась и чьи то руки вытащили Измайскую изъ повозки, сняли съ нея плотно окутывавшее ее полотнище палатки, было уже свѣтло. На далекомъ горизонтѣ торжественно всплывалъ, сверкая ослѣпительными лучами, огненный дискъ солнца. Татьяна Михайловна осмотрѣлась и увидѣла себя посреди широкой улицы пустыннаго селенія. Около нея возились, торопливо развязывая ей руки два японскихъ солдата кавалериста; немного далѣе стояла японская походная двухъ-колесная повозка, запряженная косматой лошадкой; сидя на козлахъ, солдатъ-японецъ держалъ въ рукахъ поводья двухъ лошадей подъ кавалерійскими сѣдлами.

Развязавъ Татьяну Михайловну и освободивъ ротъ отъ душищаго ее платка, японцы махнули рукой по направленію улицы, чему то громко разсмѣялись и, торопливо вскочивъ на лошадей, галопомъ поскакали назадъ. Двуколка послѣдовала за ними.

Очутившись одна, Татьяна Михайловна еще разъ внимательно оглянулась. Передъ нею тянулась широкая улица; справа и слѣва, окруженные деревьями, бѣлѣли китайскія фанзы, но нигдѣ не

было видно ни одной человѣческой души. Фанзы стояли съ распахнутыми настежь дверями, съ выломанными окнами; у многихъ крыши были сорваны или пробиты внутрь: по всему было видно, что деревня недавно еще подверглась бомбардированію, вслѣдствіе чего хозяева поспѣшно покинули свои дома, бѣжали, захвативъ только самое необходимое.

Татьяна Михайловна скорѣе машинально, чѣмъ сознательно пошла впередъ, серединой широкой улицы. Гдѣ она, куда идетъ, близко ли отсюда русскія войска, она не знала, да и не думала объ этомъ. Если японцы вчера не обманули ее, обѣщая доставить къ русскимъ аванпостамъ, то значить она должна скоро ихъ увидѣть, а если обманули... все равно, хуже смерти ничего не будетъ. Она шла, равнодушная, задумчивая, охваченная горестнымъ сознаніемъ полной неудачи своего предпріятія. Теперь ей почему то казалось, что мужъ ея умеръ, а съ его смертью былъ потерянъ для нея и весь смыслъ жизни.

Дойдя до конца селенія, Татьяна Михайловна увидѣла передъ собой широкую, прямую, уходящую вдаль, совершенно пустынную дорогу; въ сторонѣ стояла кумирня. Татьяна Михайловна вспомнила, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, по такой же дорогѣ уѣхалъ отъ нея ея Ника и она долго и горько плакала около развалинъ такой же кумирни. При этомъ воспоминаніи ея сердце болѣзненно сжалось и глаза затуманились слезами... Вдругъ какой-то зловѣщій, наполнившій душу Татьяны Михайловны холоднымъ ужасомъ, визгъ пронзительно пронесся въ воздухѣ. Она торопливо оглянулась. Изъ ближайшей фанзы къ ней бѣжали два рослыхъ, звѣрскаго вида китайца; они что-то весело кричали, гримасничали, сверкая бѣлыми, какъ у волковъ, зубами. Первымъ движеніемъ Татьяны Михайловны было броситься бѣжать, но не успѣла она объ этомъ даже подумать, какъ китайцы были уже подлѣ нея, грубо схватили за руки и поволокли за собой.

Съ торжествующими криками втащили китайцы молодую женщину въ фанзу, гдѣ находилось нѣсколько такихъ же рослыхъ, могучихъ, съ такими же звѣрскими лицами китайцевъ. Они валялись на канахъ, курили трубки и изъ маленькихъ чашечекъ тянули ханшинъ ²⁾). Тутъ же на канѣ, около нихъ, въ беспорядкѣ валялось ихъ оружіе: кривые китайскіе мечи, ружья и копья.

²⁾ Рисовая, весьма крѣпкая водка.

При появленіи товарищей съ молодой красивой женщиной, всѣ разомъ поднялись со своихъ мѣсть и жадной толпой окружили Татьяну Михайловну.

— Хунхузы! яркой молніей прорѣзала ея мозгъ страшная, душу леденящая догадка.

Татьяна Михайловна поняла, что теперь она погибла.

Какъ осужденный на казнь чувствуетъ себя заживо во власти неумолимой смерти, такъ и Измайская почувствовала, какъ смерть заглянула ей въ лицо незрячими глазами, холодными, костлявыми пальцами сдавила ея сердце. Помутившимся отъ ужаса взоромъ смотрѣла она въ надвинувшіеся на нее со всѣхъ сторонъ скуластыя, свирѣпыя лица, съ раскосыми, свѣтящимися злобной жестокостью глазками, съ перекошенными злораднымъ, торжествующимъ смѣхомъ ртами...

Не будучи въ силахъ смотрѣть на эти сатанинскія рожи, Татьяна Михайловна закрыла руками глаза. Все равно, какъ окруженная стаей голодныхъ волковъ, она была обречена на страшную мучительную смерть, понимала, что пощады не будетъ, и не ждала ее; она торопливо читала про себя первую, пришедшую ей на умъ молитву, мысленно прощаясь съ жизнью... Вдругъ въ ея холодѣющемъ мозгу промелькнуло далекое воспоминаніе: залитая солнцемъ манчжурская станція, толпа офицеровъ и среди нихъ толстая, грубая фигура рыжаго пьянаго капитана, его страшныя, гнусныя, циническія слова, игрою злого случая, ставшія теперь ужаснымъ предсказаніемъ...

Могучая рука крѣпко схватила воротъ платья Татьяны Михайловны и съ животной силой нетерпѣливо рванула; матерія затрещала и разорвалась до самаго пояса, обнажая трепещущее тѣло... Это было какъ бы сигналомъ... Дикій звѣриный ревъ огласилъ фанзу. Нѣсколько рукъ судорожно потянулись къ Татьянѣ Махайловнѣ, вцѣпились въ ея одежду и принялись неистово рвать ее въ клочки, царапая ногтями въ кровь тѣло. Уже теряя сознаніе, Татьяна Михайловна почувствовала себя въ чьихъ-то грубыхъ объятіяхъ; ее бросили на канъ, надъ ней рычали и дрались остервенѣлые, въ пароксизмѣ звѣриной страсти, люди, тянули ее во всѣ стороны, вырывая другъ у друга, какъ кусокъ окровавленной добычи. Долго тянулись нестерпимыя страданія, долго перебрасывали ее изъ однихъ рукъ въ другія, пока благодѣтельная смерть не положила конецъ ея страданіямъ...

Дня черезъ два разѣздъ казаковъ-уральцевъ, обшаривая селеніе, гдѣ по свѣдѣніямъ маячили хунхузы, наткнулся на страшную находку... Въ одной изъ фанзъ, на забрызганномъ кровью канѣ, лежалъ въ неестественной позѣ трупъ молодой, очень красивой женщины, съ золотистыми волосами. Трупъ былъ совершенно обнаженъ, весь въ синякахъ и кровоподтекахъ, животъ взрѣзанъ и изъ него безобразной, почернѣвшей массой тянулись внутренности, лицо выражало ужасъ и нечеловѣческія страданія. На полу, среди клочьевъ платья, лежалъ рукавъ съ нашитымъ на немъ краснымъ крестомъ сестры милосердія.

Казаки молча переглянулись и затихли около трупа, ошеломленные страшнымъ видомъ пережитыхъ человѣческихъ страданій.

— Ну, понадитесь, чортовы дѣти, намъ въ руки—попомнимъ мы вамъ! невольно вырвалось изъ устъ самаго молодого, еще безусаго казака, недавно прибывшаго, съ послѣдней очередью, въ Манчжурію. Старые, бородатые станичники ничего не отвѣтили и только судорожно пошевелили пальцами, сжимавшими рукоятки шашекъ...

Є. П.

